

М.В. АРАПОВ

Бум высшего образования в России: масштабы, причины и следствия

Фаза роста

Последние десять лет стали в России периодом стремительного роста системы высшего образования. Число студентов, достигнув в середине 1990-х гг. минимума, начало расти как в целом по стране, так и практически в каждом из ее регионов. В период с 1993/94 (или с 1994/95) учебного года – в различных регионах переход через точку минимума происходил со сдвигом в год – и до 2002/03 учебного года число студентов в целом по стране увеличилось практически в 2 раза и достигло 5,9 млн человек, превысив почти вдвое рекорд, поставленный на той же территории в советскую эпоху (3,0 млн человек в 1980/81 учебном году). В сфере высшего образования производится 1,3% ВВП России [Савицкая].

Прецеденты быстрого увеличения количества студентов за короткий промежуток времени случались и в прошлом¹. Однако, во-первых, никогда еще доля студентов среди населения не оказывалась столь высокой – 407 человек на 10 тыс. населения² (2003 г.), что выше соответствующего показателя в большинстве промышленно развитых стран (Франция – 340, Великобритания – 350, Германия – 216). Во-вторых, никогда раньше изменения такого масштаба не происходили по инициативе населения, почти исключительно на средства домохозяйств в результате кардинального пересмотра приоритетов в их бюджетах.

Доля государственных расходов на высшее образование оставалась в течение последнего десятилетия практически неизменной, колеблясь в пределах 11–13% консолидированного бюджета, или от 3,06 до 4,81% ВВП. Впрочем, фактически расходы снижались из-за сокращения объема самого ВВП (в 2002 г. он составлял 78% от уровня 1992 г.), тогда как рост числа студентов продолжался. Причем на эти темпы (от 5 до 17% в год) не повлиял даже кризис 1998 г. Наоборот, максимум роста (17%) пришелся как раз на 1999 г. Контрольные цифры приема за счет федерального бюджета при этом колеблются незначительно (по всем формам обучения: 1995 г. – 531,9 тыс., 1997 г. – 565,3 тыс., 1999 г. – 564,3 тыс., 2000 г. – 586,8 тыс. человек; по очной форме обучения: 1995 г. – 355,9 тыс., 1997 г. – 378,1 тыс., 1999 г. – 379,3 тыс., 2000 г. – 396,0 тыс. человек). В государственные вузы на основе полного возмещения затрат в 1995 г. было принято 93,5 тыс. человек. В 2001/02 учебном году эта цифра возросла до

¹ Чтобы удвоить данный показатель по сравнению с 1917 г., потребовалось примерно 15 лет, столько же нужно было, чтобы вдвое повысить уровень 1950 г.

² Госкомстат РФ дает цифру 414, учитывая аспирантов и докторантов [Образование... 2003, с. 396].

780,5 тыс. человек, что составило 53,4% от общего количества зачисленных на первый курс. Учитывая негосударственные вузы, в которых обучалось 12% населения, общее количество лиц, получающих платное образование, составило в 2002/03 учебном году 3,03 млн или 50,9% от общей массы студентов. В 2002 г. суммарные расходы бюджета и домашних хозяйств на студентов, получающих высшее профессиональное образование, составили 149,1 млрд руб., а на следующий год – уже 162,5 млрд, из них на долю консолидированного бюджета приходилось, соответственно, 32,2% и 35,7%, а две трети расходов на образование сейчас несут домохозяйства [Савицкая].

Суммарные расходы – бюджетные и частные – на одного студента, обучающегося на бесплатном отделении государственного вуза, составляют в среднем 28 860 руб. в год (коммерческое образование при этом стоит несколько дешевле в провинции; на 17% оно дороже государственного в Москве). Если о средних затратах вузов на подготовку студента судить по стоимости годичного обучения "платного" студента, которая составляет около 14 тыс. руб. [Образование... 2003], то семья несет 50% расходов на "бесплатное" образование, и эти затраты растут быстрее инфляции³.

Другой стороной описываемого процесса стал рост числа вузов и изменение географии образования. С начала 1990-х гг. количество вузов возросло более чем в 2 раза (в основном за счет негосударственных), и на начало 2002/03 учебного года их число составило свыше 1000 [Образование... 2003, с. 155]. При этом традиционной особенностью отечественного образования является очень высокая его концентрация: почти 25% студентов учатся в столицах и в Московской области. Около 50% студентов и 54% вузов сосредоточены в следующих регионах: Москва, Санкт-Петербург, Ростовская, Свердловская области, Республика Татарстан, Новосибирская, Самарская, Челябинская области, Республика Башкортостан, Краснодарский край, Тюменская, Нижегородская и Московская области. Число студентов в этой "ядерной зоне" за последние 10 лет выросло в 1,8–3,8 раза (лидер – нефтеносная Тюмень, замыкает список Санкт-Петербург). Есть и регионы, где в целом количество студентов невелико, но оно росло еще быстрее (в 4–5 раз), чем в "ядерной зоне". Это оказавшиеся отрезанными от "большой земли" районы Дальнего Востока (Камчатка и Сахалин) и "нефтегазовые" автономные округа.

Список "ядерной зоны" – не просто перечень мест, наиболее густо "населенных" студентами, но ядро складывающейся образовательной системы. С распадом СССР, когда крупнейшие после столиц университетские города оказались за рубежом, роль провинциальных вузов как центров подготовки кадров и развития науки, естественно, возросла.

Новые кластеры возникли в Южном федеральном округе, где по многим показателям лидирует Ростовский университет, связанный со Ставропольским университетом и Кубанским университетом в Краснодаре. На Урале лидируют университеты: Екатеринбургский (Средний Урал), Южно-Уральский (в Челябинске), а также Тюменский университет (эта часть Западной Сибири входит в Уральский федеральный округ). В Поволжском ФО активно развиваются Нижегородский, Казанский университеты и связанные с ними учебные заведения Уфы. В Сибирском федеральном округе продолжает лидировать Новосибирск. К ядру относятся регионы с чуть более высоким региональным валовым продуктом: медиана регионального валового продукта (РВП) – чуть выше 1,5 тыс. долл. на человека по сравнению со средним по стране показателем 1,15 тыс. долл. Корреляция между РВП и числом студентов на 10 тыс. населения достоверная, но слабая (значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена – 0,27). Дополнительным фактором формирования региональных центров со своими лидерами – крупными университетами стал быстрый рост стоимости транспорта и жизни в столицах. Излишне говорить, что такая география образования приводит к тому, что

³ По данным Госкомстата РФ при этом объем платных услуг в образовании за период 1995–2002 гг. вырос в 26 раз, то есть затраты на образование росли примерно в два раза быстрее, чем инфляция.

у жителей разных регионов неодинаковые возможности реализации своего конституционного права на образование. При этом не только возможности, но и желание поступить в вуз пропорционально плотности распределения учебных заведений [Проблемы... 2003, с. 124].

Вступление в новое столетие принесло в сферу образования новые проблемы. В ядре образовательной системы сейчас происходят события, которые позже могут стать характерными и для ее периферии.

Первые признаки спада

В 2002/03 учебном году впервые после 10 лет непрерывного увеличения приема в 4 из 13 регионов "ядра" (Москва, С.-Петербург, Московская обл., Новосибирск) произошло сокращение приема в государственные вузы на несколько процентов, а в Свердловской области он практически не изменился. При этом прием в негосударственные вузы продолжал расти (за исключением Башкортостана).

Всегда было ясно, что система высшего образования рано или поздно не сможет развиваться теми же темпами, что и в 1990-х гг., хотя бы по демографическим причинам. В соответствии с разработанным Министерством образования РФ "Прогнозом баланса количества выпускников 9-х и 11-х классов общеобразовательных школ на 2003–2010 гг. по федеральным округам и субъектам Российской Федерации" сокращение приема по сравнению с 2001 г. должно было начаться в 2006 г. Однако уже в 2002 г. реальные цифры на несколько тысяч не дотягивали до прогнозных. Абсолютное сокращение приема в Москве тоже произошло ранее предсказанного срока.

В отличие от ядра на периферии системы образования прием в государственные вузы еще продолжает расти, но наблюдается сокращение или стагнация негосударственной системы высшего образования. В 2002 г. это проявилось уже в 15 регионах, к тому же не во всех регионах вообще существуют негосударственные вузы.

Международные сравнения приводят к иллюзии, что отечественное высшее образование чрезвычайно дешево. Но образование стоимостью в 600 долл.⁴ при размерах подушевого ВВП в 2140 долл. (2002 г.) и невозможности получения образовательного кредита – это ненамного меньше, чем затраты в 25 000 долл. при подушевом ВВП в 30 200 долл. (США) и возможности получения дешевого образовательного кредита⁵. Кроме того, в США (и Европе) можно получить образование за 5–7 тыс. долл., а у нас за сумму в 3–5 раз меньшую средней это невозможно. Сопоставление расходов на образование с РВП выглядит еще более мрачно: в стране есть регионы, где вся сумма произведенных человеком товаров и услуг раза в два меньше, чем средства, которые он должен потратить на получение высшего образования. Короче говоря, образование в России обходится и отдельному домохозяйству, и стране достаточно дорого.

Нет бесспорных доказательств, что высшее образование "уперлось" в потолок платежеспособного спроса. Но, во всяком случае, потенциала роста у платного образования больше нет. Пусть сама идея платности образования большинством населения уже воспринимается как вполне естественная (причем в регионах, но не в Москве, за образование готовы платить даже люди с очень низкими доходами). Однако "разумная" цена за год обучения в вузе (самом предпочтительном для абитуриента), с точки зрения потребителя, по данным социологических опросов [Проблемы... 2003, с. 70], оказывается заметно ниже его фактической стоимости (400 долл. против 600 долл. в

⁴ Это суммарные затраты домохозяйства на коммерческое образование в год по данным [Рощина, Другов, Кузина, 2001]; справочник [Образование... 2003] оценивает стоимость только самого обучения на коммерческой основе без затрат на содержание студента в 750 долл.

⁵ Я не имею в виду, что человек расходует произведенный им ВВП на образование, речь идет только о выборе определенного масштаба для сравнения.

момент, когда проводился опрос; сейчас фактическая стоимость достигает уже 700–750 долл.).

Высшее образование быстро дорожает: в период 2000–2003 гг. рост стоимости различных образовательных услуг (в том числе профессионального образования) составил от 15 до 30% в год, то есть существенно опережал инфляцию [Образование... 2003]. А падение рентабельности высшего образования, сократившейся вдвое в 2002 г. по сравнению с 2001 г. и находящейся на уровне 4,4%, предсказывает дальнейший быстрый рост стоимости образования.

Это приведет к свертыванию платного государственного и коммерческого образования. Хотя в связи с повышением уровня жизни доступность платных форм образования в последние годы несколько выросла, оно по-прежнему остается за пределами возможностей большинства молодых людей. Проведенный в 2002 г. опрос показал, что для 42,4% из них платное образование сопряжено с необходимостью отказывать себе во всем и для 44,8% недоступно вообще [Положение... 2002, с. 4]; очень близкие данные приводятся в [Проблемы... 2003, с. 19].

Кроме того, в целом по стране негосударственное образование явно не выдерживает конкуренции с государственным, пользующимся поддержкой бюджета. Определенный успех негосударственного образования, который дал ему возможность к 2003 г. захватить 12% рынка услуг в области высшего образования, связан с тем, что коммерческие вузы приступили к широкой подготовке специалистов по дефицитным "рыночным" специальностям (экономистов, юристов и проч.), но в конце концов спохватились и государственные вузы. Многие из них, формально занимаясь подготовкой кадров для промышленности, живут в основном за счет обучения студентов "модным" профессиям на платных отделениях, а профильные студенты, подготовка которых и обеспечивает экономическую "остойчивость" вуза, не находят работы по специальности [Обзор... 2002]⁶. Вопрос, почему студенты выбирают неперспективные профессии, обсудим ниже, а пока постараемся ответить на другой, более важный. Зачем население в целом идет на огромные жертвы, мобилизуя собственные средства на то, чтобы дать молодому поколению высшее образование?

Причины

В самом общем виде ответ, конечно, очевиден: бум высшего образования – конструктивный и при этом очень индивидуалистический ответ населения на экономические реформы. Насколько эффективна и рациональна эта приспособительная реакция – другое дело. Но нужно иметь в виду: если речь идет о стратегии, о благе следующих поколений, то выбор у населения невелик. Абсолютное большинство предпочло инвестировать в человеческий капитал, потому что другие возможности инвестирования до сих пор крайне ограничены, а культурная традиция, национальные "истории успеха" довольно прочно связывают шансы на достижение экономического благополучия с получением образования.

Естественно, что в условиях растущего расслоения общества население, включая и молодежь, первое место среди ценностей отдает материальному достатку. По данным [Проблемы... 2003] 56% одиннадцатиклассников поставили его на первое место, что вдвое превосходит число молодых людей, отдавших предпочтение семейным ценностям. По другим данным [Молодежь... 2000, с. 38] материальные мотивы имеют еще большую значимость (70%). Если сформулировать тот же вопрос в чуть менее определенной форме (о стремлении к успеху), то среди студентов государственных вузов, обучающихся бесплатно, 93% ориентировано на успех, среди обучающихся в государственных вузах на платной основе таких 95,9%, а в негосударственных – 96,4%. Вывод

⁶ При этом, как отмечает [Соломатин, 2001], происходит перекрестное субсидирование, из средств "платников" вуз финансирует некоторые из своих институциональных расходов.

очевиден – стремление к успеху выступает одним из основных факторов, влияющих на решение продолжать образование [Положение... 2002, с. 139].

Публицисты и многие из работников образования считают, что важным мотивом при получении высшего образования является "бегство от армии". Действительно, данные о гендерной структуре студенчества в период войны в Чечне показывают, что доля обучающихся на дневных отделениях вузов (а только они дают отсрочку от армии) среди мужчин призывного возраста составила 65% (для сравнения: среди женщин того же возраста – 55%) [Полетаев, Савельева, 2001]. Тем не менее фактор отсрочки (наряду с другими элементами социального принуждения: требуют родители; сейчас все учатся) при всей его важности не играет решающей роли. Ведущим, по результатам социологических исследований, является стремление к жизненному успеху (в провинции сильнее, чем в Москве). В 1992 г. образование среди факторов, определяющих материальное неравенство в Российской Федерации, стояло на шестом месте (ведущим был регион проживания), в 2001 г. образование было уже на втором месте, уступая только региону проживания [Архангельская, 2004, с. 94].

Высшее образование стало существенным фактором получения не только прилично оплачиваемой, но и вообще какой-либо работы. "Из общего числа безработных выпускников 23,4% – лица, окончившие школу, 26,2% – учреждения начального профобразования, 35,1% – средние специальные учебные заведения и только 15,4% – высшие учебные заведения" [Положение... 2002, с. 62].

Среди мотивов получения высшего образования, выявленных социологами, есть и культурная наследственность (наличие высшего образования у матери [Проблемы... 2003, с. 62]), и уровень благосостояния семьи, и несколько других. Но парадоксальным образом не рассматривается мотив, который вполне очевиден для работодателей: предлагая место претендентам с высшим образованием, они чуть не в каждом объявлении подчеркивают, что это будет "работа в офисе", то есть "чистое" занятие, исключающее физический труд и пребывание под открытым небом. Бегство молодежи от "грязной работы", естественно, приводит к заполнению этих рабочих мест иммигрантами, а следовательно – к консервации здесь архаичных условий труда и низких зарплат.

Но раз уж мы перешли от причин, побуждающих молодежь стремиться к высшему образованию, к факторам, определяющим состояние рынка труда, выделим основное: состояние этого рынка сейчас зависит от потребителя, то есть в основном от частного капитала. И если труд дешев по сравнению с другими факторами производства, то зачем в условиях оживления экономики и перспектив ее роста нанимать специалистов с минимально необходимой квалификацией? Наши работодатели не знают еще понятия *overqualified*, которое относится к человеку со знаниями, избыточными по отношению к его занятиям.

Если молодежь, используя помощь родителей, стремится заручиться пропуском в средний класс, то бизнес, нанимая людей с высшим образованием даже там, где оно не особенно и нужно, приобретает людей с потенциалом роста. Встречаются объявления, где на должности менеджеров среднего (или даже высшего звена) приглашаются выпускники физического факультета МГУ или Физтеха. Но в 75–80% объявлений не уточняется даже профиль образования, существенно только его наличие, а также знание английского языка, владение компьютером (иногда определенными пакетами программ) и предельный возраст, который имеет тенденцию к снижению. По нашим подсчетам⁷ при найме на должности руководителей разного ранга требование высшего образования присутствует примерно в 70% объявлений. Разница в зарплате, предлагаемой руководителям в объявлениях, где эксплицитно сформулировано такое требование и где его нет, составляет свыше 500 долл. В объявлениях, предлагающих работу экономистам, бухгалтерам, банковским работникам, юристам и т.д., медиана заработка для лиц с выс-

⁷ Обработано свыше 1000 объявлений из Москвы и Московской области.

шим образованием составляет 600 долл., а без него – 400 долл., причем от последних обычно требуется несколько лет стажа работы по специальности.

Здесь и лежит ответ на вопрос, почему молодежь выбирает явно бесперспективные специальности. Ничего иррационального в ее поведении нет. Так и будет, пока роль играет не содержание образования, а удостоверенный дипломом определенный потенциал развития: из инженера-механика выходит продавец садового инвентаря, из инженера-электронщика – продавец бытовой техники, а педагог идет в страховые агенты. Если студент видит, что, выбирая специальность, он ошибся, то, кроме надежды на не требовательность рынка труда, остается еще возможность поменять специальность или получить второе высшее образование.

В переходный период, когда экономика набирает обороты, с таким отношением к человеческому капиталу еще можно мириться, в избыточном образовании рабочей силы есть и положительные стороны: это условие быстрого роста. Но только необходимое условие, а отнюдь не достаточное.

Существует иллюзия, что как только будет достигнут определенный образовательный уровень (например, половина населения страны обзаведется дипломами о высшем или среднем образовании), так сразу возникнет новая экономика, основанная на знании [Плакий, 2004, с. 65]. Похоже, что миф об "экономике знаний" приходит на смену мифу об "информационном обществе". Чтобы знания как-то могли повлиять на состояние экономики, должен складываться механизм их эффективного использования. Но пока есть только робкие разговоры о венчурном предпринимательстве и т.п. *Высшее образование в современной России растет слишком быстрыми темпами по сравнению с возможностями экономики и при этом не ускоряет развития экономики.* Поэтому я говорю именно о буме высшего образования. Он может служить образцом *неустойчивого (unsustainable)* развития, то есть развития, при котором побочные отрицательные эффекты сопоставимы, если не перевешивают положительные.

Последствия бума

В России первой жертвой бурного роста терциарного образования стало среднее образование⁸. Средняя школа *de facto* превратилась в подготовительную площадку для поступления в вуз, причем качество обучения в ней всеми – учащимися, родителями, самими учителями и даже социологами – оценивается только с этой точки зрения. Меньше 1% учащихся считают для себя достаточным среднее образование или получение специальности на краткосрочных курсах (водителя, парикмахера, секретаря и т.п.) [Проблемы... 2003, с. 12]. Престиж и удовлетворенность начальным профессиональным образованием еще ниже.

Попытки объективным образом сравнить уровень отечественного среднего образования с уровнем образования за рубежом приводят к результатам, которым наше общество отказывается верить: Россия оказывается в самом хвосте ранжированного списка, опережая разве что страны Южной Америки. Анализ самих тестов показывает, что дело не в заговоре русофобов. Эти тесты предполагают наличие знания, которое заведомо есть у наших детей, но его нужно использовать для самостоятельного решения задач, встающих перед каждым человеком в современном обществе. Наши же школьники нацелены на другое, ибо с точки зрения подготовки к высшей школе эти задачи неинтересны и в нашей школе о них ничего не говорят. В результате наши подростки не в состоянии *комбинировать* минимум школьных знаний с обычным здравым смыслом.

Учащегося, например, просят приблизительно оценить площадь Антарктиды. Ее причудливая береговая линия изрезана массой заливов, но в целом эта часть света выглядит, как гигантская запятая. Карта с масштабом и линейка дают возможность це-

⁸ Хотя справедливости ради нужно отметить, что это произошло еще в советский период.

ликом вписать изображение в какую-нибудь простую геометрическую фигуру или разбить ее на части и поступить аналогичным образом с каждой из них. Если какой-то способ измерения предложен, то задача считается решенной даже при ошибках в вычислениях. Выбор приближения – совершенно субъективен, он диктуется воображаемой целью, простотой вычислений, представлениями учащегося о точности. Но как раз соотнести свои субъективные представления и "объективное" школьное знание и оказывается сложным для наших подростков [Арапов, 2002].

Если исключить нишу самого низкоквалифицированного труда, то выпускникам средней школы, учреждений среднего и высшего профессионального образования сейчас приходится конкурировать на рынке труда за одни и те же рабочие места. Результат, конечно, предсказуем. Немало случаев, когда высшего образования требуют даже от курьера, называя его для благозвучия "помощником юриста". По этой же причине провалом кончилась попытка ввести двухступенное высшее образование: бакалавры не востребованы рынком, он не отличает их от выпускников техникумов⁹. Но, конечно, в первую очередь бум оказал негативное влияние на само высшее образование.

С начала XIX в., когда впервые встал вопрос о месте высшего образования в системе знания, в обществе и государстве, когда И. Фихте и Ф. Шлейермахер спорили по поводу модели университета, а посредником в их споре выступал В. фон Гумбольдт, у спорящих не было разногласий по поводу того, что высшее образование готовит элиту. Естественно, что под образованием понималось тогда гуманитарное образование. Для консервативно-охранительного направления в царской России (С. Уваров, Д. Толстой, К. Победоносцев и др.) кошмаром был образованный человек "без средств" или без должности, соответствующей его образовательному цензу, или, говоря современным языком, не интегрированный в элиту. Они видели в нем потенциального Робеспьера или Наполеона, который видит единственный выход из своего униженного состояния в том, чтобы похитить или "поделить" ему не принадлежащее. Их страхи подогревала русская литература с ее образом "лишнего человека" – то Онегина, то Раскольникова.

Осознание того, что высшая школа – не пропуск в элиту, окончательно пришло в Европу в мае 1968 г. Волна протестов, переходивших в студенческие забастовки, бунты, была вызвана требованиями реформы высшего образования, направленной на увеличение его доступности. Но в России миф об особой миссии высшего образования еще жив, хотя и умирает на наших глазах. "Можно констатировать, что система высшего образования из функционального орудия меньшинства превратилась в важнейший социальный институт большинства" [Рощина, Другов, Кузина, 2001]. Сейчас при переходе из 9-го класса в 10-й отсеивается тот же процент учащихся (30%), что и при поступлении в вуз, единственное отличие в том, что для поступления в вуз 70% выпускников требуется не одна попытка (с первого раза поступают чуть более 50%), а две или более. Мы входим в период "всеобщего высшего образования", когда отсутствие такового будет восприниматься как некоторая аномалия. Более широкое применение единого государственного экзамена может еще больше повысить доступность вуза, так как ликвидирует промежуточную точку выбора, совмещая выпускные и вступительные экзамены, снижая тем самым психическую и физическую нагрузку на абитуриента.

Правда, "гибкость" сложившегося в России рынка труда, о которой речь шла выше, – порука тому, что студенческих бунтов не будет. Предприниматели готовы брать на работу выпускников, не особенно интересуясь тем, чему их, собственно, учили. Там, где квалификация действительно важна, например при найме специалистов по информационным технологиям, требуются конкретные умения, а не формальное образование. Результат имеет двоякий характер. С одной стороны, происходит снижение уров-

⁹ Бакалавры составляют менее 10% от числа всех выпускников вузов, магистры – чуть более 1% (2001 г.).

ня высшего образования, так как востребованы собственно "корочки", а не знания, а с другой – началось расслоение высшего образования и формирование отечественной "лиги плюща", но это тема отдельного разговора.

В советскую эпоху стержнем всей системы образования была подготовка инженера. Лучшую часть подготовленных специалистов забирала наука. Сейчас этот стержень из системы вынут, наука больше никого не привлекает, но система в основном продолжает работать по старым "лекалам". Прежде качество этих "лекал" более или менее устраивало социалистическую экономику; устраивает оно, хотя и совершенно по другим (названным выше) причинам, и новую капиталистическую. Поэтому общество продолжает верить в высокий уровень отечественного высшего образования. То, что нескольким десяткам тысяч выпускников, в большинстве своем окончивших наиболее престижные вузы, удалось в эпоху бума высоких технологий устроиться в ведущие западные компании, к сожалению, не доказывает преимуществ нашей модели образования. Существуют только неоспоримые доказательства нашей неиссякаемой способности верить в чудеса.

Настоящим чудом была бы подготовка специалиста, конкурентоспособного на международном рынке труда при затратах на порядок меньших, чем, скажем, в Западной Европе при сопоставимом с Европой или таком же уровне стоимости энергии, продовольствия, жилья, лабораторного оборудования, книг и т.п. Мы тратим в два с лишним раза меньше на подготовку студента, чем в Турции (2400 долл.), и в 17 раз меньше, чем в США¹⁰.

О снижении качества подготовки косвенно свидетельствует динамика численности профессорско-преподавательского состава: в период, за который произошло удвоение числа студентов, основной штат вузов вырос всего на 21%¹¹. Среди преподавателей увеличилась доля совместителей: в 1995 г. их было около 16% от основного штата, а в 2003 г. уже около 24%. В негосударственных вузах число внештатников превышает основной состав примерно в 1,5 раза. В среднем на одного преподавателя у нас приходится 18 студентов [Образование... 2003]. В медицинских вузах, где во всем мире соотношение преподавателей и студентов наиболее высокое, у нас достигает 35:100 на факультете фундаментальной медицины МГУ, несколько меньше в Медицинской академии им. Сеченова (33:100), на медицинском факультете Российского университета дружбы народов – 18:100, в Сибирском медицинском университете 17:100, но оно нигде (даже если учитывать преподавателей-внештатников) не достигает соотношения 100:100, которое характерно для наиболее престижных вузов Запада. Если речь идет о соотношении студентов и преподавателей, имеющих ученое звание профессора или доцента, то медиана составляет 37 студентов на одного профессора или доцента, но есть немало вузов, где этот показатель 1:100 или даже 1:250 (http://www.edu.ru/db/cgi-bin/portal/vuz/vuz_sch.plx).

При такой нагрузке на преподавателя невозможным становится свободное общение между ним и аудиторией, использование форм промежуточного контроля знаний, роскошью – обновление содержания курсов. К тому же на обучение студента не хватает времени. Длительность подготовки медиков в России – 6 лет, по некоторым специальностям 5,5, что значительно уступает длительности образования в Германии, не говоря уже об англосаксонских странах, где собственно медицинскому образованию предшествует подготовительный курс. У нас немедицинские и общеобразовательные дисциплины, на изучение которых на Западе затрачивается четыре года первого цикла, "втиснуты" в цикл общемедицинского образования и составляют львиную долю учебного плана первого и второго курсов. Учитывая это, немецкие университеты при-

¹⁰ По оценкам, наши расходы нужно увеличить в 12 раз [Капица, Курдюмов, Малинецкий, 1997].

¹¹ Даже в этом скромном росте есть основания сомневаться: Министерство образования РФ требует определенного количественного соотношения различных категорий профессорско-преподавательского состава, стимулируя вузы держать в штате преподавателей с учеными степенями, которые практически не ведут занятий (например, по возрасту) [Плаксий, 2004].

нимают на первый курс русских студентов-медиков, проучившихся у себя в России два года. Принятые государственные стандарты высшего образования еще сократили длительность профессионального образования, так как в вузах были введены общеобразовательные курсы (по русскому языку, истории, психологии и пр.), во многом дублирующие школьную программу. Что заставило Министерство образования РФ сделать это, не ясно: то ли желание занять преподавателей "общественных дисциплин", на изучение которых тратил значительную часть учебного времени советский студент, то ли недоверие к аттестату зрелости.

Соотношение числа профессоров и студентов – важная характеристика еще по одной причине. За пределами двух столиц, где учится 75% студентов, у нас есть только 100 с небольшим вузов, которые получили хотя бы один грант Российского фонда фундаментальных исследований. Число этих грантов – неплохая характеристика интенсивности научных исследований, и она теснее всего коррелирует с численностью профессуры [Арапов... 2004]. Почти все вузы, которые участвуют в грантовом процессе, имеют относительно небольшое (меньшее медианы) число студентов, приходящихся на одного профессора или доцента. Высокая нагрузка на преподавателя самым неблагоприятным образом сочетается с его возрастом (средний возраст составляет сейчас около 50 лет) и с отсутствием конкуренции преподавателей как внутри одного поколения, так и между поколениями (о факторе возраста пишут часто, см., например, [Плакий, 2004]).

Из других многочисленных последствий бума высшего образования кратко остановлюсь только на двух. О коррупции чаще всего говорят в связи с поступлением в вуз. Но если под коррупцией понимать только откровенное мздоимство, то не ясно, в какую сторону и в каких масштабах повлиял на него бум. Вместе с тем безусловно, что он способствовал созданию теневой экономики образования.

Как сказано выше, в среднем содержание студента-"платника" обходится домохозяйствам на 10 тыс. руб. в год дороже, чем обучающегося на бесплатной основе. То есть разница за 5 лет составляет 50 тыс. руб. Это и есть предельная "цена вопроса". Как следует из приведенного ниже рассуждения, немало людей в России готовы заплатить примерно четверть этой суммы: "Сложилась своеобразная бизнес-система (к которой можно отнести и коррупцию), обеспечивающая возможность перехода из средней школы в высшую. После дополнительного обучения в рамках такой бизнес-системы возможность поступления в вуз существенно выше. Бюджет бизнес-системы Свердловской области (это расходы всех семей на устранение недостаточного уровня школьного образования при поступлении в вуз) можно оценить, исходя из приближенных расходов одной семьи при обучении по двум предметам в течение восьми месяцев по четыре часа в неделю (из расчета 50 руб. за час) – 12 000 руб." [Соломатин, 2001]. Приведенную оценку можно считать минимальной. Так, по данным опросов, приведенных в [Проблемы... 2003, с. 18], "стоимость одного часа репетитора в исследовавшихся областных городах колебалась от пяти до десяти долларов за час". С репетитором занимается до 60–70% выпускников школ (московские расценки гораздо выше), но 30–40% семей не способны эти услуги оплатить.

Репетиторство, появившись на пороге высшей школы, получает распространение и в ней самой. В сущности, большинство педагогов, занимаясь репетиторством, зарабатывают деньги честным и нелегким трудом, попутно демонстрируя, насколько неэффективен официально принятый в школе и в вузе способ обучения. Более вредоносный сектор той же экономики – не дополнительные образовательные услуги, а широко поставленный (и в основном вполне легальный) сбыт продукции, позволяющий имитировать процесс обучения: сборников шпаргалок, сочинений, рефератов, курсовых работ, диссертаций (в печатном виде, на CD, в Интернете), когда учащийся покупает шаблон, чтобы подогнать его под требования преподавателя, или прямо заказывает нужную работу "под ключ".

Студент, совмещающий учебу и работу, готов оплачивать не только подобную продукцию, но и просто покупать отметки в зачетке. На неофициальных студенческих сайтах без труда можно найти и расценки, и завуалированные инструкции, как сдать экзамен за взятку.

Реформаторы, справедливо негодуя по поводу существования теневой экономики в системе образования и предлагая разные пути ее ликвидации, забывают, что в этой экономике работают не инопланетяне, а педагоги вузов и школ, то есть деньги, заработанные в этой экономике, остаются в сфере образования. И если реформаторам удастся сократить объемы теневой экономики, то им же придется предложить пути возмещения образованию выпавших доходов.

Еще одна проблема, связанная с образовательным бумом, – возросший уровень культурных потребностей. Звучит прекрасно, но экономические возможности студенчества совершенно не соответствуют сложившемуся уровню потребления. Модель потребления культуры у нас сохранилась с советской эпохи, когда не существовало практически никаких ценовых ограничений. Сейчас же большая часть этой продукции стоит очень дорого по сравнению с доходами населения и без услуг пиратов была бы ему вообще недоступна. Остановимся только на компьютерных программах, хотя их доля в потреблении культуры не так уж велика.

Высшая школа ожидает (а иногда и прямо требует), что дома у студента имеется компьютер. Сейчас компьютер в доме есть уже у трети старшеклассников (у 54,1% в Московском регионе) [Проблемы... 2003], и по оценкам торговли – у 70% студентов. Но приобретение программного обеспечения за его настоящую стоимость, в несколько раз превышающую стоимость самого компьютера, для студентов совершенно нереально. Преследовать за использование нелегальных копий программ государство также не имеет морального права: по самым оптимистическим оценкам, в самих государственных структурах не более 50% программного обеспечения приобретено законным образом. С точки зрения производителей программного обеспечения, да и вообще западного общества, наш образовательный бум – это подрыв их экономики, которая в неизмеримо большей степени, чем наша, зависит от охраны прав на интеллектуальную собственность.

* * *

Государство, которое владеет контрольным пакетом акций холдинга "Высшее образование России", могло бы за очень короткий срок остановить бум. Все, что для этого нужно, – сократить количество "бюджетников" и (или) повысить плату за обучение остальным. Мы все попали в ловушку дешевого образования: расходы на содержание студента в вузе оказываются ниже, чем создание дополнительных рабочих мест [Плакий, 2004]. Выходом из этой ловушки, не ущемляющим прав человека на образование, могло бы стать расширение набора альтернатив высшему образованию. В частности, государство должно стимулировать бизнес, который испытывает трудности от отсутствия высококвалифицированных рабочих; следует открыть молодежи, стремящейся вырваться из бедности, другие пути к достатку, более быстрые и эффективные по сравнению с низкокачественным высшим образованием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арапов М.В.* Образование по-русски: иллюзии и реальность // Энергия. 2002. № 9.
- Арапов М.В., Либкинд А.Н., Маркусова В.А., Минин В.А.* Фундаментальные научные исследования в отечественных провинциальных вузах // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2004. № 5.
- Архангельская Н.* Кто беден в России // Эксперт. 2004. № 16.
- Высшее образование в России – 2002. Статистический сборник. М., 2003.
- Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. М., 1997.

- Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года.
- Молодежь Российской Федерации: положение, выбор пути. Основные выводы и предложения Государственного доклада Правительству Российской Федерации. М., 2000.
- Обзор экономической политики в России за 2002 год (<http://portal.economy.gov.ru>).
- Образование в России – 2003. М., 2003.
- Плакий С.И. Блеск и нищета российского высшего образования. М., 2004.
- Полетаев А.В., Савельева И.М. Спрос и предложение услуг в сфере среднего и высшего образования в России. М., 2001.
- Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации. 2000–2001 годы – Государственный доклад. Министерство образования Российской Федерации. М., 2002.
- Проблемы доступности высшего образования. Препринт WP3/2003/01/ Независимый институт социальной политики. М., 2003.
- Рощина Я.М., Другов М.А., Кузина О.Е. Профессиональное образование в России: социальные детерминанты неравенства доступа, мотиваций и спроса. Отчет по гранту № SP-01-2-1 Независимого института социальной политики. М., 2001.
- Савицкая Е.В. Анализ финансовых потоков в сфере высшего профессионального образования. Тезисы доклада (<http://inf.hse.ru/mon.tezis6.doc>).
- Соломатин А.М. Платность и доступность образования: взаимоисключение или взаимодополнение? // Университетское управление: теория и практика. 2001. № 2(17).

© М. Арапов, 2004